

О ДУШЕ И ТЕХНИКЕ

Известия, - 2005 - декабрь - с. 10.
Дневник фестиваля «Золотая маска»

Алексей ФИЛИПОВ

Город Минусинск расположен в Красноярском крае. В нем около шестидесяти тысяч жителей, электротехнический комбинат и драматический театр: знающие люди уверяют, что театр в Минусинске очень хороший. Он приехал на фестиваль «Золотая маска» и показал «Циников» Мариенгофа: их инсценировал и поставил главный режиссер театра Алексей Песегов. Произошло то, чего надо было ожидать: на московской сцене спектакль, который эксперты фестиваля считали одним из лучших, смотрелся совсем иначе.

Русскому театру (тем более — театру провинциальному) в высшей степени присуща особенность, свойственная всей русской культуре да и русскому человеку вообще. С техникой дела обстоят неважно, зато все в порядке с душой — а это, как известно, субстанция трудноуловимая и почти мистическая: когда артист чувствует себя не в своей тарелке, ей свойственно исчезать. Настоящей, жесткой школы, когда идеально подготовленный, еще в институте избавившийся от местного говора, пластичный, способный вписаться в любой ансамбль

МИХАИЛ ГУТЕРМАН

Сцена из спектакля

артист готов сыграть роль в любое время и в любом месте, хоть растолкай его посреди ночи, нет даже в большинстве столичных театров. Что же говорить о провинции, где работают молодые люди, закончившие местные театральные училища.

Знающие люди говорят, что минусинский театр напоминает секту подвижников: денег у тех, кто там работает, естественно, нет,

зато есть чувство глубокого удовлетворения, которое доставляет занятие Искусством. Они работают очень серьезно: кому в сегодняшней Москве пришло бы в голову поставить заведомо некассового Мариенгофа? — и то, что можно увидеть на их сцене, оставляет сильное впечатление.

У Мариенгофа идет речь о страсти, разворачивающейся на фоне революции и первых лет

нэпа: главный герой любит прекрасную девушку, а она влюблена в свое страшное время. Время воплощается в людях — через постель героини проходят и комиссар, и нэпман; при этом она умудряется сохранить и трогательный интерес к людям, и внутреннюю чистоту. Обаяние минусинского спектакля заключается в свежести интонации, в том, что актеров искренне захватывала история, которую они рассказывают; это качество трудно описать — и еще труднее сохранить перед незнакомой, живущей своими проблемами публикой.

В Москве стали заметней постановочные повторы, стала бросаться в глаза общая затянутость спектакля. То, что он собой на самом деле представляет, можно было представить лишь при наличии доброй воли — и у московского, избалованного обилием легкоперевариваемых зрелищ зала ее на этот раз хватило. Во втором акте спектакль «пошел», и этому уже не могли помешать ни местный говор, ни то, что у минусинских артистов не было и следа столичного лоска. Душа, как известно, материя неистребимая: если театр вложил ее в свой спектакль, то зритель обязательно это почувствует.